

БОЛЬШАЯ ПАЛАТА

**ДЕЛО «САХНОВСКИЙ (SAKHNOVSKIY) ПРОТИВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

(Жалоба № 21272/03)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СУДА

СТРАСБУРГ

2 ноября 2010 г.

*Настоящее постановление является окончательным, но его текст может
быть дополнительно отредактирован.*

В деле «Сахновский против Российской Федерации»

Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд), заседая Большой Палатой на совещании за закрытыми дверями 20 января и 22 сентября 2010 г. в следующем составе:

Ж.-П. Коста, *Председатель Палаты*,

Н. Братца,

П. Лоренсен,

Ф. Тюлькенс,

Ж. Касадеваль,

И.К. Баррето,

Б.М. Зупанчич,

А. Ковлер,

Д.Т. Бьоргвинссон,

Д. Йочиенэ,

Д. Попович,

М. Виллигер,

И. Берро-Лефевр,

П. Хирвелаа,

М. Лазарова Трайковска,

Л. Бианку,

А. Пауэр, *судьи*,

а также при участии М. О'Бойла, *Заместителя Секретаря*,

принял следующее Постановление в последнюю из вышеупомянутых дат:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой № 21272/03, поданной 18 апреля 2003 г. в Европейский Суд против Российской Федерации в соответствии со ст. 34 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) гражданином Российской Федерации Сергеем Вениаминовичем Сахновским (далее – заявитель).

2. Заявителю было разрешено самому представлять свои интересы при разбирательстве его дела в Европейском Суде. При разбирательстве дела в Большой Палате заявителю была предоставлена правовая помощь. Его интересы представляли К. Москаленко и О. Преображенская, адвокаты, практикующие в г. Москве, а также Н. Лисман, адвокат, практикующий в г. Бостоне (США). Власти Российской Федерации были изначально представлены в Европейском Суде В. Милинчук, бывшей Уполномоченной Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека, а впоследствии – Г. Матюшкиным, Уполномоченным Российской

Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. Заявитель, в частности, утверждал, что уголовный процесс по его делу проводился в нарушение пп. 1 и 3 (с) ст. 6 Конвенции, заявляя, что в процессе рассмотрения апелляции ему не предоставили бесплатной юридической помощи и что, более того, он не имел возможности эффективно защищать себя сам, потому что общался с апелляционным судом посредством видеосвязи.

4. Жалоба была передана в Первую секцию Европейского Суда (п. 1 правила 52 Регламента Европейского Суда). В данной секции, в соответствии с п. 1 правила 26, была сформирована Палата, которая должна была рассмотреть данное дело (в предыдущей редакции - п. 1 ст. 27 Конвенции, в настоящей редакции - ст. 26).

5. 15 января 2009 г. Палата соответствующей секции в следующем составе: Х. Розакис, А. Ковлер, Э. Штайнер, Д. Шпильманн, С.Э. Йебенс, Дж. Малинверни и Дж. Николау, а также при участии С. Нильсена, Секретаря Секции Суда, рассмотрела жалобу одновременно по вопросу приемлемости и по существу, согласно положениям, ранее изложенным в п. 3 ст. 29 Конвенции (в настоящей редакции - в п. 1 ст. 29 Конвенции). Палата единогласно решила отнести к существу жалобы возражение властей Российской Федерации касательно статуса потерпевшего заявителя, признала жалобы по ст. 6 Конвенции приемлемыми и единогласно постановила, что имело место нарушение пп. 1 и 3 (с) ст. 6 Конвенции, заключавшееся в непредоставлении заявителю эффективной правовой помощи при рассмотрении уголовного дела в его отношении в апелляционном порядке. Заявителю была присуждена компенсация морального вреда. В остальной части жалоба была признана неприемлемой. Судьи Х. Розакис, Д. Шпильманн и Дж. Малинверни выразили совместное особое мнение, которое прилагалось к Постановлению Европейского Суда.

6. 4 мая 2009 г. власти Российской Федерации, в соответствии со ст. 43 Конвенции и правилом 73 Регламента Европейского Суда, обратились в Европейский Суд с просьбой о передаче дела на рассмотрение Большой Палаты. Коллегия Большой Палаты Европейского Суда приняла данное обращение 14 сентября 2009 г.

7. Состав Большой Палаты был определен на основании положений, ранее изложенных в пп. 2 и 3 ст. 27 Конвенции (в настоящей редакции - в пп. 4 и 5 ст. 26 Конвенции, и правила 24 Регламента Европейского Суда. В заключительных совещаниях участвовала заместитель судьи А. Пауэр, замещающая судью Ренате Йегер, которая была не в состоянии участвовать в дальнейшем рассмотрении дела (п. 3 правила 24 Регламента Европейского Суда).

8. И заявитель, и власти Российской Федерации представили дополнительные письменные замечания по существу дела.

9. Публичное слушание имело место 20 января 2004 г. в Страсбурге, в здании Европейского Суда по правам человека (п. 3 правила 59 Регламента Европейского Суда).

Перед Европейским Судом предстали:

(а) *со стороны властей Российской Федерации:*

Н. МИХАЙЛОВ, заместитель главы офиса Уполномоченного
Российской Федерации при Европейском Суде *Представитель,*
Т. КОРОЛЬКОВА,
Я. ЦИМБАЛОВА, *Советники;*

(б) *со стороны заявителя:*

К. МОСКАЛЕНКО,
Н. ЛИСМАН, *Защитник,*
О. ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ, *Советник.*

Европейским Судом были заслушаны обращения К. Москаленко, Н. Лисман и Н. Михайлова.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

10. Заявитель, 1979 года рождения, в настоящее время отбывает наказание в Новосибирской области.

A. Первый этап судопроизводства

11. 30 апреля 2001 г. заявитель был задержан по подозрению в совершении убийства его отца и дяди. Заявитель подал письменное заявление о предоставлении ему адвоката для оказания юридической помощи. В этот же день была назначена экспертиза отпечатков пальцев и судебная экспертиза; 3 мая 2001 г. заявитель был оставлен под стражей.

12. 4 мая 2001 г. заявителю был предоставлен бесплатный адвокат, гражданка П.; 10 мая 2001 г. ему было предъявлено обвинение в совершении убийства при отягчающих обстоятельствах.

13. В период с мая по сентябрь 2001 г. был проведен ряд экспертиз. Впоследствии заявитель получил копии приказов о проведении этих экспертиз. Он подписал каждую из них, подтверждая их получение и указывая, что у него нет никаких комментариев или просьб.

14. 30 сентября 2001 г. мера пресечения была изменена с

постановления о задержании на подписку о невыезде.

15. В октябре 2001 г. бывший сокамерник заявителя, гражданин Ж., свидетельствовал, что заявитель подробно рассказывал ему о том, как он убил своего отца и еще одного человека.

16. В неустановленную дату друг заявителя, гражданин Р., дал свидетельские показания, в которых утверждал, что заявитель обращался к нему с просьбой убить его отца и что когда Р. отказался, заявитель, видимо, вознамерился сделать это сам.

17. 5 ноября 2001 г. заявитель был опять помещен в изолятор временного содержания.

18. 20 декабря 2001 г. Новосибирский областной суд рассмотрел обвинения в совершении уголовного преступления, выдвинутые против заявителя. Заявитель отрицал свою вину. Суд изучил семнадцать свидетельств, в том числе свидетельства, которые дали Ж. и Р., и постановил, что заявитель виновен в убийстве двух человек, приговорив его к восемнадцати годам заключения. В своем решении суд ссылаясь на свидетельские показания, заключения судебных экспертиз и многочисленные вещественные доказательства.

19. Заявитель и его адвокат подали апелляцию, утверждая, что Ж. и Р. давали свои показания под давлением, оказанным на них сотрудниками милиции, и заявляя, что расследование было проведено с многочисленными нарушениями прав заявителя, в том числе права заявителя на защиту. Они также жаловались на то, что получили ордера на проведение экспертиз с опозданием.

20. 12 мая и 29 июля 2002 г. заявитель подал ходатайство о том, чтобы ему предоставили другого адвоката, с тем, чтобы тот мог представлять его при рассмотрении апелляции, поскольку гражданка П. не могла присутствовать на слушаниях и уже была занята в другом судебном процессе.

21. В неустановленную дату заявителю сообщили, что его участие в слушаниях, где по апелляции будет рассматриваться его дело, будет обеспечено посредством видеосвязи. 26 и 30 июля 2002 г. он ходатайствовал о личном присутствии на слушаниях его дела по апелляции, так как он считал, что с помощью видеосвязи полноценная возможность участвовать в слушаниях ему предоставлена не будет.

22. 16 октября 2002 г. Верховный суд Российской Федерации распорядился о том, чтобы московский изолятор временного содержания ИЗ-77/3 обеспечил участие заявителя в слушаниях его дела по апелляции, которые должны были состояться 31 октября 2002 г., посредством видеосвязи.

23. 31 октября 2002 г. Верховный суд Российской Федерации рассмотрел кассационную жалобу заявителя. Заявитель принимал участие в слушаниях посредством видеосвязи. Ни одного адвоката защиты на слушаниях не было. Суд отклонил жалобу заявителя, не

усмотрев доказательств того, что свидетельские показания Ж. и Р. были недостоверными. Что касается предполагаемого нарушения прав заявителя на защиту, то суд счел это утверждение голословным.

24. В последующие месяцы заявитель подал несколько жалоб о пересмотре дела в порядке надзора. В письмах от 24 апреля и 19 ноября 2003 г. из Новосибирской прокуратуры и Генеральной прокуратуры заявителю сообщили об отказе в рассмотрении его жалоб. Сотрудники прокуратуры г. Новосибирска отметили, в частности, что право заявителя на участие в процессе по рассмотрению апелляции было полностью реализовано. 2 июля 2003 г. судья Верховного суда Российской Федерации Р. отказался заводить дело о пересмотре жалобы заявителя в порядке надзора. 5 декабря 2003 г. это решение было утверждено Председателем Верховного суда Российской Федерации. 4 февраля 2004 г. другую жалобу о пересмотре решения в порядке надзора, поданную заявителем, вернули без рассмотрения, со ссылкой на ранее вынесенные по данному вопросу решения.

В. Пересмотр дела в порядке надзора на втором этапе судопроизводства

25. 26 марта 2007 г. Европейский Суд коммуницировал жалобу властям Российской Федерации. 4 июля 2007 г. Президиум Верховного суда Российской Федерации рассмотрел надзорную жалобу и отменил кассационное определение от 31 октября 2002 г., вынесенное Верховным судом Российской Федерации. Президиум постановил, что право заявителя на юридическую помощь было нарушено в процессе слушания дела а кассации и направил дело на повторное рассмотрение в суд кассационной инстанции.

26. Заявитель подал ходатайство о личном участии в слушаниях рассмотрению надзорной жалобы. 10 августа 2007 г. Верховный суд Российской Федерации, заседая в составе из трех судей, удовлетворил его просьбу о личном присутствии на слушаниях и распорядился о временном переводе заявителя из тюрьмы в Новосибирской области в изолятор временного содержания в городе Новосибирске (более трех тысяч километров от Москвы), очевидно, в целях того, чтобы у него была возможность использовать видеосвязь.

27. 20 августа 2007 г. заявитель подал надзорную жалобу. Он обратился к Верховному суду Российской Федерации с ходатайством о рассмотрении его жалобы на основании только этой новой жалобы, а также попросил предоставить ему возможность присутствовать на слушаниях по рассмотрению его надзорной жалобы лично, а не с использованием видеосвязи.

28. 29 ноября 2007 г. Верховный суд Российской Федерации,

заседая в Москве, рассмотрел данное дело. Во-первых, суд рассмотрел ходатайства заявителя от 20 августа 2007 г. В отдельном процессуальном решении суд постановил, что основания для того, чтобы принять новую жалобу заявителя, отсутствуют, и решил рассмотреть данное дело на основании заявления бывшего адвоката заявителя, гражданки П., начиная с 2002 г. Суд также отказал заявителю в просьбе о личном присутствии на слушаниях, постановив, что видеосвязи будет достаточно, для того чтобы заявитель мог следить за ходом слушания и выдвигать возражения или иные доводы, и что такая форма участия была бы не менее действенной, как если бы он присутствовал в зале суда лично. Далее Верховный суд представил заявителя гражданке А., его новому адвокату, которая присутствовала в зале заседаний Верховного суда; затем им разрешили конфиденциально пообщаться посредством видеосвязи в течение пятнадцати минут до начала слушаний. Все лица, как в зале заседаний, так и в изоляторе временного содержания, покинули помещения.

29. Заявитель отказался от помощи А. на том основании, что ему необходимо было встретиться с его адвокатом лично. Верховный суд Российской Федерации, отметив, что заявитель не основывался на каких-либо расхождениях с А. касательно его защиты, не ходатайствовал о ее замене другим адвокатом, не принял предложение Верховного суда пригласить частного адвоката по выбору заявителя и, принимая во внимание отмену предыдущего решения на основании отсутствия юридической помощи, отклонил возражение заявителя в отношении помощи адвоката. Соответственно, А. представляла заявителя на слушании дела в кассационной инстанции.

30. В этот же день Верховный суд Российской Федерации рассмотрел жалобу по существу. Он оставил в силе решение Новосибирского областного суда от 20 декабря 2001 г., внося одну поправку в текст и исключив одну улику. Основная резолютивная часть судебного решения и приговор заявителю остались неизменными.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА.

А. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации

31. Согласно ст. 51 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ, в силе с 1 июля 2002 г), участие защитника в уголовном судопроизводстве обязательно, если лицо обвиняется в совершении тяжкого преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок свыше пятнадцати лет,

пожизненное лишение свободы или смертная казнь. Если защитник не приглашен обвиняемым, то дознаватель, следователь или суд назначает участие защитника. Ст. 52 УПК РФ предусматривает, что обвиняемый вправе отказаться от помощи защитника. Отказ от защитника заявляется в письменном виде. Отказ может быть отменен обвиняемым в любой момент судопроизводства.

32. Согласно ст. 373 УПК РФ, суд кассационной инстанции проверяет по кассационным жалобам законность, обоснованность и справедливость судебного решения. Согласно пп. 4 и 5 ст. 377 УПК РФ суд вправе непосредственно исследовать доказательства, включая дополнительные материалы, предоставленные сторонами.

33. Ст. 402 УПК РФ («Право обжалования вступивших в законную силу приговора, определения, постановления суда») предусматривает следующее:

«1. Подозреваемый, обвиняемый, осужденный, оправданный,...а также прокурор вправе ходатайствовать о пересмотре вступивших в законную силу ... постановлений суда в порядке, установленном настоящей главой.

2. Ходатайство прокурора именуется надзорным представлением. Ходатайства остальных участников именуются надзорными жалобами».

34. Ст. 402 УПК РФ («Порядок рассмотрения надзорных жалобы или представления») предусматривает следующее:

«1. Надзорные жалоба или представление рассматриваются судом надзорной инстанции в течение 30 суток со дня их поступления.

2. В необходимых случаях судья, рассматривающий надзорные жалобу или представление, вправе истребовать...любое уголовное дело ...

3. Изучив надзорные жалобу или представление, судья выносит одно из следующих постановлений:

(1) об отказе в удовлетворении надзорных жалобы или представления;

(2) о возбуждении надзорного производства и передаче надзорных жалобы или представления на рассмотрение суда надзорной инстанции...

4. Председатель [компетентного] суда вправе не согласиться с решением судьи об отказе в удовлетворении надзорных жалобы или представления. В этом случае он отменяет такое решение и выносит постановление, предусмотренное пунктом 2 части третьей настоящей статьи [выше]».

35. Ст. 412 УПК РФ («Внесение повторных надзорных жалоб или представлений») предусматривает следующее:

«1. Внесение повторных надзорных жалоб или представлений в суд надзорной инстанции, ранее оставивший их без удовлетворения, не допускается.

2. Надзорные жалоба или представление на приговор, определение или постановление суда, вынесенные после отмены предыдущих решений в кассационном порядке или в порядке надзора, могут быть внесены в порядке, установленном настоящей главой, независимо от мотивов, по которым были отменены первоначальные приговор, определение или постановление суда».

Ст. 412 УПК РФ, в которой изложены основания возобновления производства по уголовному делу, в соответствующей части гласит:

«1. Вступившие в законную силу приговор, определение и постановление суда могут быть отменены и производство по уголовному делу возобновлено ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.

....

4. Новыми обстоятельствами являются:

...

(2) установленное Европейским Судом по правам человека нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении судом Российской Федерации уголовного дела, связанное с:

(а) применением федерального закона, не соответствующего положениям Конвенции о защите прав человека и основных свобод;

(б) иными нарушениями положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод;

....»

В. Судебная практика Конституционного суда и Верховного суда Российской Федерации

36. Изучив соответствие ст. 51 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации Конституции Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации постановил следующее (определение № 497-О от 18 декабря 2003 г.):

«Пункт 1 статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, в котором перечислены случаи, когда участие защитника в уголовном судопроизводстве является обязательным, не содержит никакого указания на то, что данные требования не применимы в кассационном судопроизводстве или что право осужденного на получение правовой помощи в таком судопроизводстве может быть ограничено...».

37. Эта позиция впоследствии была подтверждена и развита в семи решениях, вынесенных Конституционным судом 8 февраля 2007 г. Конституционный суд постановил, что бесплатная юридическая помощь при слушании дела в кассационной инстанции должна предоставляться на тех же условиях, что и на ранних этапах судопроизводства и что это является обязательным условием в ситуациях, перечисленных в ст. 51 УПК РФ. Далее Конституционный суд подчеркнул обязательство судов по обеспечению участия адвоката в производстве суда кассационной инстанции.

38. 18 декабря 2003 г. Конституционный суд Российской Федерации отклонил конституционную жалобу гражданина Р. как неприемлемую. В своем определении Конституционный суд

постановил *inter alia*¹, что ст. 51 УПК РФ, устанавливающая ситуации, в которых обязательно участие адвоката в уголовном процессе, также применяется к процессам в апелляционном суде.

39. В ряде случаев (решения от 13 октября 2004 г. и 26 января, 9 февраля, 6 апреля, 15 июня и 21 декабря 2005 г., 24 мая и 18 октября 2006 г., 17 января 2007 г., 3 сентября и 15 октября 2008 г.) Президиум Верховного суда Российской Федерации отменил решения, вынесенные судами кассационной инстанции, и направил дела на новое рассмотрение на том основании, что суды не обеспечили наличие адвоката при кассационном производстве, хотя обвиняемых обязательно должны представлять в порядке, установленном законом. Президиум Верховного суда также подтвердил такой подход в своем отчете в отношении дел, одобренных в третьем квартале 2005 г. (Постановление от 23 ноября 2005 г.) и Постановление пленарного заседания Верховного Суда от 23 декабря 2008 г. в редакции от 30 июня 2009 г. В последнем документе Верховный суд подчеркнул, что обвиняемый может отказаться от своего права на адвоката только письменно, и суд не был ограничен таким отказом.

ПРАВО

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ ВЛАСТЕЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

A. В отношении предполагаемого неисчерпания внутригосударственных средств правовой защиты.

40. В своем ходатайстве о передаче дела власти Российской Федерации выдвинули два предварительных возражения. Власти Российской Федерации утверждали, что заявитель не исчерпал внутренние средства правовой защиты в том, что касается второго раунда слушаний дела по апелляции. В частности, он не подал надзорную жалобу о пересмотре решения суда от 29 ноября 2007 г. В подтверждение данного утверждения власти Российской Федерации ссылались на решения Конституционного суда Российской Федерации и Президиума Верховного суда Российской Федерации, вынесенные в отношении других дел, в которых на стадии рассмотрения апелляции обвиняемые были лишены юридической поддержки (см. выше пп. 38-39).

41. Заявитель утверждал, что исполнение этого средства правовой

¹ Помимо прочего (лат.)

защиты (пересмотр в порядке надзора) было, по сути, нескончаемым процессом и поэтому Европейский Суд не рассматривал это как «эффективное средство правовой защиты». Далее он указал, что его собственные попытки получить пересмотренное в порядке надзора первое судебное решение (от 2002 г.) были безрезультатными до тех пор, пока Генеральная прокуратура не была вынуждена вмешаться вслед за уведомлением о том, что заявитель обратился за защитой в Европейский Суд.

42. Европейский Суд подтверждает, что раз за разом отказывался признать обжалование в порядке надзора в качестве «эффективного средства правовой защиты» во исполнение ст. 35 Конвенции (см. Решение Европейского Суда по делу «Бердзенишвили против Российской Федерации» (*Berdzenishvili v. Russia*), жалоба № 31697/03, ЕСПЧ 2004-II (извлечения); Постановление Европейского Суда от 26 июня 2008 г. по делу «Шуленов против Российской Федерации» (*Shulepov v. Russia*), п. 23, жалоба № 15435/03; Постановление Европейского Суда от 8 октября 2009 г. по делу «Адзигович против Российской Федерации» (*Adzhigovich v. Russia*), п. 21, жалоба № 23202/05, и Постановление Европейского Суда от 17 декабря 2009 г. по делу «Шилбергс против Российской Федерации» (*Shilbergs v. Russia*), п. 118, жалоба № 20075/03). Эта тактика основана, во многом, на процессуальной специфике пересмотра дел в порядке надзора в рамках российского уголовного судопроизводства, которым не устанавливаются какие-либо временные ограничения для подачи такого рода иска. В деле Бердзенишвили Европейский Суд отмечал, что в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации жалобы о пересмотре дела в порядке надзора можно подавать в любой момент времени после того, как судебное решение вступает в силу, даже годы спустя. Европейский Суд пришел к выводу, что, «если процедура пересмотра дел в порядке надзора по [данному кодексу] рассматривалась бы как исчерпывающее средство правовой защиты, вызванная этим двусмысленность сводила бы на нет правило шести месяцев».

43. Национальным прецедентным правом, на которое ссылались власти Российской Федерации, не может поддерживаться утверждение властей о том, что заявление о пересмотре дела в порядке надзора было бы эффективным средством правовой защиты. Даже если это сработало в каких-то других делах, власти все же располагают процедурными возможностями, которые привели Европейский Суд к тому, чтобы охарактеризовать это как экстренное средство правовой защиты, а не как часть стандартного процесса исчерпания средств правовой защиты. Ни одно из решений, на которые ссылались власти Российской Федерации, не могло повлечь за собой автоматический пересмотр дела заявителя; доступ к Президиуму Верховного суда по-

прежнему зависел от усмотрения судей или прокуроров и остался бы, как считал заявитель, «практически бесконечным процессом» вследствие отсутствия временных ограничений.

44. Наконец, Европейский Суд отмечает, что эта проблема, сформулированная Конституционным судом и Президиумом Верховного суда, не являлась тем же самым, что и предмет рассмотрения в данном случае. Судебные решения, которые цитировали власти Российской Федерации, касались отказа назначить адвоката для участия в кассационных слушаниях. Европейский суд указывает на то, что утверждение властей Российской Федерации о неисчерпании средств правовой защиты касалось второй части апелляционного производства, когда заявителю предоставили адвоката для того, чтобы последний мог представлять заявителя в суде. Главный вопрос, поднятый перед Европейским Судом в отношении слушаний, состоявшихся 29 ноября 2007 г., касался не отсутствия адвоката, а, скорее, нехватки реальной юридической поддержки от него. Ни одно из дел, процитированных властями Российской Федерации, не затрагивало этого вопроса, и поэтому заявитель не мог рассчитывать на них, подавая свои жалобы о пересмотре дел в порядке надзора.

45. Итак, Европейский Суд приходит к заключению о том, что надзорная жалоба о пересмотре судебного решения от 29 ноября 2007 г. не являлась эффективным средством правовой защиты, которое можно было бы исчерпать в соответствии с п. 1 ст. 35 Конвенции. Поэтому возражение властей Российской Федерации следует отклонить.

В. В отношении присвоения заявителю статуса потерпевшего

46. Власти Российской Федерации заявили, как они уже заявляли в процессе рассмотрения дела Палатой, что, поскольку дело заявителя было повторно открыто в 2007 г., он утратил статус потерпевшего, присвоенный ему при рассмотрении первой жалобы. Соответственно, любое последующее изменение статуса не подпадало под данный процесс и представляло собой новое дело.

47. Большая Палата Европейского Суда отмечает, что рассмотрела это возражение в своем решении от 15 января 2009 г. Палата сочла, что оно было тесно связано с существом жалоб заявителя по ст. 6 Конвенции. Большая Палата не усматривает оснований к тому, чтобы отклониться от данного подхода. Безусловно, определение статуса потерпевшего зависит преимущественно от юридического характера второй части процесса так же, как отдельное дело или, в качестве альтернативы, как часть одного и того же уголовного дела. По-видимому, это и есть главный предмет спора. Поэтому Европейский Суд предпочитает объединить возражение властей Российской

Федерации касательно статуса потерпевшего и существа дела и рассмотреть их совместно.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТОВ 1 И 3 СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

48. Заявитель жаловался на несправедливость уголовного судопроизводства в его отношении. В частности, он жаловался на то, что на слушании в суде кассационной инстанции в 2002 г. ему не была предоставлена правовая помощь, и он мог общаться с залом суда только посредством видеосвязи. Далее заявитель жаловался на то, что во время апелляционного производства в 2007 г. после отмены вынесенного ранее судебного решения его права не были восстановлены. В частности, несмотря на его ходатайства, ему не позволили присутствовать в зале суда лично; также он был лишен возможности эффективно общаться со своим адвокатом. Он ссыался на пп. 1 и 3 (с) ст. 6 Конвенции, которая гласит:

«1. Каждый имеет право при определении... или при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявленного ему, на справедливое... разбирательство ...судом ...

...

3. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет как минимум следующие права:

...

(с) защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника или, если у него нет достаточных средств для оплаты услуг защитника, иметь назначенного ему защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия...»

А. Постановление Палаты

49. Основные выводы, сделанные Палатой в ее решении от 15 января 2009 г. можно кратко изложить следующим образом. Власти Российской Федерации признали, а Палата подтвердила, что первый раунд процесса, который закончился 31 октября 2002 г., был ознаменован нехваткой гарантий, касающихся юридической помощи (п. 47 данного решения). Далее, касательно слушаний в кассационной инстанции 29 ноября 2007 г., Палата пришла к заключению о том, что «недостаток личного общения с заявителем во время слушаний и то, что перед слушаниями разговора тоже не было, в сочетании с тем фактом, что гражданка А. вынуждена была защищать подсудимого, оперируя фактами, изложенными в жалобе, поданной пятью годами ранее другим адвокатом, свели ее присутствие на слушаниях к пустой

формальности» (п. 50 решения). Недовольство заявителя тем, как для него была организована юридическая поддержка, было в достаточной степени разъяснено Верховному суду и в данных обстоятельствах было справедливым и оправданным. Палата пришла к заключению, что заявитель все еще может требовать присвоения ему статуса потерпевшего по смыслу ст. 34 Конвенции, поскольку «Верховный суд не обеспечил эффективное юридическое представление заявителя на слушаниях его апелляции, которые проходили 29 ноября 2007 г., так, как это было сделано во время предшествующего процесса» (п. 52). В резолютивной части решения Палата постановила, что «[были] нарушены пп. 1 и 3 (с) ст. 6 Конвенции, поскольку заявитель не получил эффективной юридической поддержки в ходе кассационного производства».

В. Доводы сторон

50. Замечания сторон, представленные как в письменной, так и в устной форме во время слушания, имевшего место 20 января 2010 г., могут быть кратко представлены следующим образом:

1. Власти Российской Федерации

(а) Утрата статуса потерпевшего

51. Ключевым аргументом властей Российской Федерации было следующее: аннулирование судебного решения и сам факт пересмотра дела являлись *per se*² «достаточным возмещением» за нарушение, на которое поступила жалоба в первом заявлении. В поддержку этого аргумента они ссылались на ряд случаев в российском праве: Постановление Европейского Суда от 6 ноября 2008 г. по делу «Понушков против Российской Федерации» (*Ponushkov v. Russia*), жалоба № 30209/04; Постановление Европейского Суда от 31 января 2008 г. по делу «Рябов против Российской Федерации» (*Ryabov v. Russia*), жалоба № 3896/04; Решение Европейского Суда от 1 апреля 2008 г. по делу «Давидчук против Российской Федерации» (*Davidchuk v. Russia*), жалоба № 37041/03; Решение Европейского Суда от 11 декабря 2007 г. по делу «Михаил Бринцевич против Российской Федерации» (*Mikhail Brinzevich v. Russia*), жалоба № 6822/04; Решение Европейского Суда от 15 мая 2007 г. по делу «Бабунидзе против Российской Федерации» (*Babunidze v. Russia*), жалоба № 3040/03; Решение Европейского Суда от 25 января 2007 г. по делу «Федосов против Российской Федерации» (*Fedosov v. Russia*), жалоба № 42237/02; Решение Европейского Суда от 12 сентября 2000 г. по

² По сути (лат.)

делу «*Никишина против Российской Федерации*» (*Nikishina v. Russia*), жалоба № 45665/99; и Решение Европейского Суда от 30 августа 2005 г. по делу «*Вонг против Люксембурга*» (*Wong v. Luxemburg*), жалоба № 38871/02.

52. В отношении второго раунда судебного процесса (слушания 29 ноября 2007 г.) власти Российской Федерации заявили, что, даже если обстоятельства, на которые поступила жалоба, сводились к нарушению ст. 6 Конвенции, то эти новые события не имели отношения к настоящему делу и должны были быть представлены заявителем в качестве новой жалобы и переданы властям Российской Федерации как отдельное дело. Власти Российской Федерации заявили, что у них не было возможности прокомментировать эти новые доводы.

(b) Отказ от правовой помощи

53. Власти Российской Федерации утверждали, что права заявителя по п. 3 (с) ст. 6 Конвенции не были нарушены во время апелляционных слушаний 29 ноября 2007 г. Государство не могло нести ответственность за каждую недоработку со стороны адвоката, назначенного в целях оказания юридической поддержки. Власти Российской Федерации полагали, что заявитель несет ответственность за результаты действий А. (назначенного судом адвоката) в ходе процесса, а именно – за то, что она не подала письменный запрос о замене адвоката или о том, чтобы дело отложили. Далее власти Российской Федерации утверждали, что заявитель не просил о личной встрече с адвокатом в своей дополнительной заявке жалобе или в дополнительных ходатайствах, которые он подавал в Верховный суд перед началом слушаний. Он не просил Верховный суд заменить адвоката, а также не выражал желания быть представленным выбранным им самим адвокатом. Видимо, власти Российской Федерации утверждали, что для того, чтобы воспользоваться преимуществами схемы юридической помощи, ему следовало попросить о замене на того адвоката, которому он доверяет. Не сделав этого, заявитель отказался от своего права на юридическую поддержку.

(с) Эффективная правовая помощь

54. Власти Российской Федерации заявили, что сама гражданка А. не считала, что личная встреча с заявителем была необходима. Она достаточно серьезно отнеслась к исполнению своих обязанностей: заранее изучила досье по делу и перед началом слушаний провела консультацию с заявителем при закрытых дверях. Она не ходатайствовала о личной встрече с заявителем, однако, органы власти не могли указывать адвокатам, как защищать клиентов и есть ли

необходимость в личной встрече или нет.

55. Далее власти Российской Федерации утверждали, что жалоба заявителя являлась надуманной. А. достаточно хорошо разобралась в данном деле, и заявитель не выражал несогласия с ее позицией касательно юридических вопросов. Верховному суду он заявил, что он хотел узнать ее «как человека». Однако «личные отношения не представляют особой важности, когда речь идет об эффективной и компетентной юридической поддержке». А. обладала всеми необходимыми знаниями в области юрисдикции для того, чтобы защищать заявителя.

(d) Личное присутствие на слушании

56. Последние аргументы, которые привели власти Российской Федерации, касались слушаний как таковых, которые прошли 29 ноября 2007 г. Власти Российской Федерации признали важность права обвиняемого на активное участие в процессе своей защиты. Однако они указали, что в Конвенции и в практике Европейского Суда не обозначается способ, которым должно осуществляться это право. Участие в судопроизводстве посредством видеосвязи являлось приемлемой формой участия (см. Постановление Европейского Суда по делу «Марчелло Виола против Италии» (*Marcello Viola v. Italy*), жалоба № 45106/04, ЕСПЧ 2006-XI (извлечения), и Решение Европейского Суда от 9 ноября 2006 г. по делу «Голубев против Российской Федерации», жалоба № 26260/02). Перевозка заключенного из Новосибирской области в Москву — процесс длительный и дорогостоящий; кроме того, это доставило бы заявителю множество неудобств. Далее власти Российской Федерации заявили, что заявитель не жаловался на качество видеосвязи и что видеосвязь никаким другим образом не ограничила его возможность принять участие в судебном процессе.

2. Заявитель

(a) Потеря статуса потерпевшего

57. По словам заявителя, утверждение властей Российской Федерации о том, что Европейскому Суду следовало объявить решение о пересмотре дела в порядке надзора полноценным и надлежащим средством правовой защиты *per se*³, не принимая во внимание последующее повторное слушание, прямо противоречило принципам, сформулированным в прецедентном праве Европейского Суда. Решение Верховного суда о проведении повторного слушания дела являлось, главным образом, некой перспективой исправления

³ по сути (лат.)

ситуации, но результата — действительного исправления ситуации — можно было добиться только в последующем судебном процессе.

58. С точки зрения заявителя, прочтение властями Российской Федерации прецедентного права Европейского Суда являлось некорректным. Ни одно из дел, упомянутых властями Российской Федерации, нельзя было использовать в качестве подтверждения их тезиса о том, что порядок повторного рассмотрения дела сам по себе являлся надлежащим исправлением ситуации. Напротив, судебные постановления или решения, вынесенные в отношении пяти вышеупомянутых дел (дела *Понушкова*, *Федосова*, *Бабунидзе*, *Гавриловой и Вонг*) не подтверждали позицию властей Российской Федерации, тогда как три остальных дела (дела *Рябова*, *Давидчук и Никишиной*) настолько отличались от данного дела фактами, что все их можно считать вообще не имеющими отношение к данному делу.

59. Члены Палаты были правы, расценивая второй раунд судебного процесса как часть внутригосударственного исправления признанного нарушения его права на справедливый суд в первоначальном процессе. Это соответствовало ранее рассмотренным Европейским Судом делам, в частности, делу *Скордино*, когда Большая Палата постановила, что «вопрос, вправе ли лицо все еще выдавать себя за пострадавшее от предполагаемого нарушения Конвенции, фактически влечет [повлек] за собой рассмотрение *ex post facto*⁴ его или ее ситуации со стороны Европейского Суда», включая, в частности, рассмотрение «эффективности средства правовой защиты», обеспеченного органами федеральной власти (см. Постановление Европейского Суда по делу «*Скордино против Италии*» (*Scordino v. Italy*) (№ 1), [БП], пп. 180-182, ЕСПЧ 2006-V, жалоба № 36813/97). При рассмотрении Европейским Судом ситуации *ex post facto* внимание должно быть сосредоточено на результатах практического применения средства правовой защиты. Поэтому, например, там, где заявленным средством правовой защиты от чрезмерной длительности судебного процесса являлось последующее требование о возмещении убытков, Европейский Суд должен был установить не только существование возможности подать такой иск в соответствии с национальным законодательством, но и оценить своевременность судебного решения по такому иску, потому что «чрезмерные проволочки, возникающие при рассмотрении требования о возмещении убытков сделали [бы] это средство правовой защиты несостоятельным» (см. Постановление Европейского Суда по делу «*Кокчиарелла против Италии*» (*Cocchiarella v. Italy*) [БП], п. 86, жалоба № 64886/01, ЕСПЧ 2006-V).

60. По словам заявителя, в данном деле позиция властей Российской Федерации — то, что жалобы заявителя о повторном

⁴ Постфактум (лат.)

слушании дела нельзя было рассматривать в рамках дела на стадии рассмотрения, а только по новому заявлению – явилась, по сути, способом избежать рассмотрения Европейским Судом изначального и повторного нарушений прав заявителя. Если бы заявитель подал новую жалобу о повторном слушании дела, власти Российской Федерации настаивали бы на осуществлении очередной серии шагов с целью исчерпания национальных средств правовой защиты и новой «возможности изучить утверждения заявителя и исправить нарушение прав, гарантированных Конвенцией». Затем такого рода возможностью можно было бы воспользоваться для того, чтобы получить очередное решение, аналогичное решению Президиума от 4 июля 2007 г., которое власти Российской Федерации опять представили бы в качестве прекращения *per se* статуса заявителя потерпевшего, и это хождение по кругу могло бы продолжаться *ad infinitum*⁵.

(b) Отказ от правовой помощи

61. Заявитель отрицал, что он отказывался от какого-либо из своих прав по ст. 6 Конвенции. Не существовало никаких доказательств, подтверждающих, что заявитель в прямой форме решил отказаться от прав, о которых идет речь, или вел бы себя каким-то таким образом, из которого можно было бы сделать недвусмысленный вывод об отказе от этих прав. Напротив, он подавал прямые письменные ходатайства о том, чтобы ему разрешили присутствовать во время рассмотрения его апелляции в суде и просил предоставить ему реальную возможность увидеться со своим адвокатом за закрытыми дверями, а также уведомил Верховный суд о перебоях видеосвязи. Заявитель сделал вывод о том, что ответственность за тот факт, что во время повторного слушания дела его права не соблюдались, несут исключительно органы государственной власти.

(c) Эффективная правовая помощь

62. Заявитель утверждал, что, невзирая на тот факт, что Верховный суд назначил адвоката с целью представления его интересов во время повторного слушания его дела, это было сделано таким образом, что адвокат был просто лишен возможности оказать юридическую помощь эффективно. У заявителя создалось впечатление, что участие А. в данном судебном процессе было особенно бесполезным, поскольку она была ознакомлена с данным делом лишь частично.

63. Тот факт, что адвокат заявителя был назначен и представлен ему в последнюю минуту, в сочетании с тем, что им отвели всего пятнадцать минут на общение посредством видеосвязи, исключает

⁵ До бесконечности (лат.)

какую-либо возможность ее участия в качестве его адвоката, кроме номинальной. Вот почему ссылка Верховного суда на то, что заявителю следовало остановить свой выбор на другом адвокате, в ответ на его возражение, была совершенно неуместной: лично он не имел никаких возражений против личности А., даже несмотря на то, что не был с ней знаком до этого, он только указал на тот факт, что у них не было ни малейшей возможности установить хотя бы подобие конструктивных рабочих отношений между адвокатом и его клиентом.

64. В дополнение к фактам, изложенным в решении Палаты, еще два из них, более поздних, подтвердили вывод Палаты. Первое: принимая во внимание то, в каком учреждении заявитель вынужден был общаться со своим адвокатом, можно сказать, что он был лишен возможности говорить открыто и откровенно. Сравнение этого способа общения, приведенное Европейским Судом, с такими альтернативными методами, как разговор по телефонной линии, защищенной от любого рода прослушивания (см. вышеупомянутое Постановление Европейского Суда по делу *«Марчелло Виола против Италии»*, п. 41) указывало на то, что мнение заявителя было вполне закономерным. Второе: поскольку заявитель ни разу не общался со своим адвокатом до повторного слушания дела, он вынужден был рассчитывать только на свои силы при составлении ходатайств, предшествующих этому слушанию, и в удовлетворении всех этих ходатайств Верховный суд, в конечном итоге, отказал. Учитывая то, что причиной, по которой данное дело вернули в Верховный суд для повторного слушания, явилось нарушение этим судом прав заявителя на юридическое представление интересов последнего во время первого слушания дела, а также, принимая во внимание серьезность обвинений, которые должны были рассматриваться во время повторного слушания (двойное убийство), это дело определенно являлось таким, при рассмотрении которого Верховный суд обязан был использовать все свои усилия к тому, чтобы обеспечить заявителю эффективное судебное представительство.

(d) Личное присутствие на слушании

65. Заявитель утверждал, что он был лишен действенного судебного представительства и возможности в частном порядке общаться со своим адвокатом, а не возможность принимать активное участие в судебном процессе, проходящем в зале суда, и влиять на его ход, негативное влияние также оказали технические неполадки во время сеанса видеосвязи. При рассмотрении судом апелляционной жалобы заявитель пытался опровергнуть доказательства конкретных свидетелей при первоначальном рассмотрении его дела и в связи с этим поднял вопрос о правдивости собственных слов, поскольку его личное присутствие в данных обстоятельствах представляло собой

чрезвычайную важность. Наконец, он был лишен возможности представлять себя на суде в равной со стороной обвинения степени: обвинитель присутствовал в зале суда, в то время как заявитель принимал участие в слушаниях посредством видеосвязи.

С. Анализ Европейского Суда

1. Утратил ли заявитель статус потерпевшего после возобновления судебного процесса

(а) Основные принципы прецедентного права Европейского Суда: понятие «сатисфакции»

66. Европейский Суд развил два направления прецедента относительно статуса заявителя по ст. 34 Конвенции. Первое направление касается характера и степени серьезности предпосылок к тому, чтобы выдавать себя за потерпевшего от нарушения Конвенции, подавая жалобу в Европейский Суд, а именно, может ли считаться, что человек определенно пострадал от оспариваемой меры (см., среди других источников, Постановление Европейского Суда по правам человека от 29 апреля 2008 года по делу *«Берден против Соединенного Королевства»* (*Burden v. the United Kingdom*) [БП], п. 33, жалоба № 13378/05, ЕСПЧ 2008-...). Второе направление дел имеет отношение к вопросу о том (если речь идет о заявленном нарушении, которое уже имело место), могут ли последующие события повлечь за собой потерю статуса пострадавшего. Европейский Суд подчеркнул бы, что два этих направления прецедентного права являются независимыми по отношению друг к другу (см. Решение Европейского Суда по делу *«Сенатор Лайнз ГмбХ» против Австрии, Бельгии, Дании, Финляндии, Франции, Германии, Греции, Ирландии, Италии, Люксембурга, Нидерландов, Португалии, Испании, Швеции и Соединенного Королевства»* (*Senator Lines GmbH v. Austria, Belgium, Denmark, Finland, France, Germany, Greece, Ireland, Italy, Luxembourg, the Netherlands, Portugal, Spain, Sweden and the United Kingdom*) [БП], жалоба № 56672/00, ЕСПЧ 2004-IV). Приобретение и утрата статуса потерпевшего – две разные ситуации, хотя в основе обоих лежит понятие «потерпевший».

67. Прочно устоявшимся принципом прецедентного права Европейского Суда является тот, что заявитель может утратить статус потерпевшего, если выполнены два условия: во-первых, органы власти должны были признать - или по форме, или по содержанию - нарушение Конвенции, и, во-вторых, они должны были быть в состоянии обеспечить сатисфакцию (см., среди многих других источников, вышеупомянутое Постановление Европейского Суда по делу *«Скордино против Италии»* *Scordino*, п. 180). Только когда два

этих условия выполнены, тогда вспомогательный характер защитного механизма Конвенции предотвращает рассмотрение жалобы (см. Постановление Европейского Суда от 10 ноября 2009 г. по делу «*Arat против Турции*» (*Arat v. Turkey*), п. 46, жалоба № 10309/03). Предполагаемая утрата заявителем статуса потерпевшего подразумевает изучение характера права как предмета спора, причин, выдвинутых национальными органами власти при принятии ими решений по данному вопросу, а также сохранение эффекта неблагоприятных последствий для заявителя после вынесения решения (см. Постановление Европейского Суда от 9 февраля 2006 г. по делу «*Фрайманис и Лидиумс против Латвии*» (*Freimanis and Līdums v. Latvia*), п. 68, жалобы №№ 73443/01 и 74860/01).

68. Очевидно, что в настоящем деле органы власти признали первоначальное нарушение прав заявителя по ст. 6 Конвенции, по меньшей мере, в том, что касается отсутствия надлежащей юридической поддержки при рассмотрении дела в кассационной инстанции, проходившем в 2002 г. Поэтому Европейскому Суду следует сконцентрироваться на вопросе о том, выполнили ли они свое обязательство по «исправлению» этого нарушения.

69. В деле *Скордино* (процитированном выше) Большая Палата сформулировала требования сатисфакции в отношении избыточно длительного гражданского судопроизводства. В частности, Европейский Суд постановил, что чрезмерные отсрочки при рассмотрении требования о возмещении убытков могут привести к тому, что средство правовой защиты перестанет отвечать требованиям (п. 195). Далее, доступу к компенсирующему средству правовой защиты не может воспрепятствовать стоимость рассмотрения дела в суде высшей инстанции (п. 201). Европейский Суд также рассмотрел вопрос о том, являлось ли денежное возмещение достаточным в количественном выражении.

70. Европейский Суд отмечает, что вышеупомянутые умозаключения касались компенсирующего средства правовой защиты за нарушение совершенно конкретной гарантии, прописанной в п. 1 ст. 6 Конвенции – требования «разумного периода времени». При нарушении других положений Конвенции может потребоваться «сатисфакция» другого рода, к которой необязательно применяется логическая схема дела *Скордино*. Европейский Суд также напоминает в этой связи, что можно, соответственно, исправить нарушение посредством использования различных видов средства правовой защиты (см., *mutatis mutandis*⁶, анализ Европейского Суда по ст. 13 Конвенции в Постановлении Европейского Суда по делу «*Кудла против Польши*» (*Kudła v. Poland*) [БП], пп. 154-155, жалоба

⁶ с учетом необходимых изменений (лат.)

№ 30210/96, ЕСПЧ 2000-XI). Уместность и достаточность возмещения зависят от характера нарушения, на которое жалуется заявитель.

71. Применительно к гарантиям ст. 6 Конвенции, касающимся уголовных дел, полное оправдание или прекращение судебного процесса против заявителя рассматривалось в качестве закономерной сатисфакции (см., например, Решение Европейского Суда от 12 февраля 2004 г. по делу «Карбони против Италии» (*Carboni v. Italy*), жалоба № 51554/99; Постановление Европейского Суда от 10 мая 2007 г. по делу «Юстюн против Турции» (*Üstün v. Turkey*), п. 24, жалоба № 37685/02, а также Решение Европейского Суда от 16 июля 2009 г. по делу «Олексы против Польши» (*Oleksy v. Poland*), жалоба № 1379/06). Однако этот тот самый случай, когда заявитель больше не является пострадавшим, и его освободили от каких-либо последствий сделанного к ущемлению его же интересов. Заявитель может сохранить свой статус потерпевшего, если он уже отбыл весь срок, к которому его приговорили, или часть этого срока, и ему не предложили никакой компенсации за предполагаемое нарушение или такая компенсация для него недоступна (см., например, Решения Европейского Суда от 21 октября 2003 г. по делу «Хупер против Соединенного Королевства» (*Hooper v. the United Kingdom*), жалоба № 42317/98; от 15 декабря 2004 г. по делу «Менешева против Российской Федерации» (*Menesheva v. Russia*), жалоба № 59261/00; а также вышеуказанное Постановление Европейского Суда по делу «Арат против Турции», пп. 46-47). В вышеупомянутом Постановлении Европейского Суда по делу «Фрайманис и Лидиумс против Латвии», в котором был затронут вопрос о том, слушалось ли дело «органом правосудия, учрежденным законом», Европейский Суд принял во внимание продолжительность неблагоприятных последствий для заявителя после вынесения решения об отмене приговора и направлении дела на новое рассмотрение (п. 68). Европейский Суд отметил (в пп. 71-72), что заявитель не жаловался на несправедливость нового раунда судебного процесса, а дело рассматривал новый состав судей, который в этот раз учреждался в соответствии с законом. В означенных обстоятельствах Европейский Суд приходит к выводу о том, что недоработки предыдущего судебного процесса были исправлены после повторного открытия дела.

(b) Практика Европейского Суда по делам против Российской Федерации

72. Если говорить о Российской Федерации, то имеются три группы дел, в которых вопрос о «статусе потерпевшего» в уголовном судопроизводстве трактуется по-разному. В первой группе Европейский Суд принял в качестве формы сатисфакции само по себе повторное рассмотрение уголовного дела. Так, власти Российской

Федерации ссылались на дело *Понушкова*, процитированное выше, по которому Европейский Суд, в аналогичной ситуации, постановил следующее:

«70. В настоящем деле, Президиум Верховного суда открыто признал, что право заявителя на бесплатное представительство в суде кассационной инстанции было нарушено, отменено решение от 29 января 2004г. и назначено на новое рассмотрение в порядке кассации.

71. Таким образом, учитывая содержания решения Президиума от 1 марта 2006 г., Суд считает, что внутренние власти признали и затем исправили утверждаемое нарушение Конвенции».

К подобной же цепочке рассуждений Европейский Суд прибегнул в деле *Рябова*, процитированном выше, по которому постановил:

«51⁷. ... учитывая содержание постановления Президиума от 1 марта 2006 года и определение кассационной инстанции от 19 июля 2006 года, в котором указано на необходимость нового судебного рассмотрения, Суд считает, что национальные власти признали нарушение Конвенции, а затем исправили нарушение».

Европейский Суд пришел к такому заключению, невзирая на тот факт, что процесс против заявителя все еще не завершился, и уверенности в том, что недоработка, на которую поступила жалоба, будет исправлена в ходе повторного рассмотрения дела, не было.

73. Вторая группа дел созвучна с умозаключениями Палаты по рассматриваемому делу. Например, дело Федосова, на которое власти Российской Федерации ссылались в поддержку своих утверждений, отражает позицию Палаты в данном случае. В том деле Европейский Суд принял к сведению вторую часть судебного процесса:

«Приняв во внимание содержание судебного решения от 28 сентября 2005 г. [вынесенного ведомством, осуществляющим пересмотр дела в порядке надзора], последующий пересмотр дела Троицким городским судом и смягчение приговора, Европейский Суд приходит к выводу о том, что национальные органы власти признали, а затем обеспечили исправление заявленного нарушения Конвенции».

В этом решении подразумевалось, что, помимо повторного рассмотрения дела с соблюдением всех требований ст. 6 Конвенции, заявитель должен был получить и нечто большее – например, смягчение приговора.

74. Другое дело из этой группы – дело *Бабунидзе* (процитированное выше), на которое ссылались обе стороны. В этом деле заявитель жаловался на то, что он не мог присутствовать на слушаниях как до, так и после аннулирования Верховным судом решения по гражданскому делу, где он выступал в качестве обвиняемого. В том случае стороны согласились с тем, что Верховный суд признал

⁷ В деле – это пункт 50 (прим. перев.)

нарушение прав заявителя районным судом, сотрудники которого не вызвали его на слушания, состоявшиеся 19 марта 2002 г. Однако заявитель утверждал, что в ходе повторного рассмотрения дела районный и областной суды опять не предоставили ему действенную возможность участвовать в слушаниях. Европейский Суд согласился с тем, что вопрос сатисфакции требовал изучения того, «была ли предоставлена заявителю возможность принять действенное участие в процессе пересмотра его дела». Приняв во внимание то, что в обстоятельствах этого дела заявителю были предоставлены достаточные возможности для того, чтобы присутствовать на слушаниях, состоявшихся в период первого судебного процесса, Европейский Суд пришел к следующему выводу:

«Поэтому, принимая во внимание содержание решения Верховного суда от 14 октября 2003 г. и последующий пересмотр дела заявителя, в ходе чего ему была предоставлена действенная возможность присутствовать на слушаниях и излагать свои доводы, Европейский Суд постановил, что национальные органы власти признали, а затем обеспечили исправление заявленного нарушения Конвенции, которое наступило вследствие того, что органы власти не вызвали заявителя в суд на слушания, состоявшиеся 19 марта 2002 г. ...»

75. С учетом этого Европейский Суд отмечает, что следует внести некоторые уточнения относительно его прецедентного права касательно результатов повторного присвоения заявителю статуса потерпевшего.

(с) Настоящая жалоба

76. Вначале Европейский Суд напоминает, что европейская система защиты прав человека основана на принципе subsidiarity. Государства должны располагать возможностью исправить ситуацию после допущенных нарушений перед тем, как жалоба рассматривается Европейским Судом; однако, «принцип subsidiarity не означает полного отказа от надзора за результатом, достигнутым от использования национальных средств правовой защиты» (см. Постановление Европейского Суда от 29 марта 2006 г. по делу «Джузеппе Мостаччуоло против Италии» (*Giuseppe Mostacciuolo v. Italy*) (№ 2) [БП], п. 81, жалоба № 65102/01). Кроме того, принцип subsidiarity не должен быть сформирован таким образом, чтобы государства могли отклониться от юрисдикции Европейского Суда.

77. Действительно, обвиняемый в совершении уголовного преступления не может ходатайствовать о признании его пострадавшим от нарушения п. 3 ст. 6 Конвенции до того, как ему вынесен приговор (см. Решение Европейской Комиссии от 13 марта 1980 г. по делу «Икс против Соединенного Королевства» (*X. v. the United Kingdom*), жалоба № 8083/77, Решения и отчеты 19, п. 223;

Решение Европейской Комиссии от 21 октября 1998 г. по делу «Эгинлиоглу против Турции» (*Eğinlioğlu v. Turkey*), жалоба № 31312/96, не опубликовано; Решение Европейского Суда от 4 сентября 2003 г. по делу «Османов и Хуссейнов против Болгарии» (*Osmanov and Husseinov v. Bulgaria*), жалобы №№ 54178/00 и 59901/00, а также Решение Европейского Суда от 3 февраля 2003 г. по делу «Витковский против Польши» (*Witkowski v. Poland*), жалоба № 53804/00). Это утверждение так же верно в отношении большинства гарантий, установленных п. 1 ст. 6 Конвенции (с некоторыми исключениями, касающимися, например, требования рациональной длительности судопроизводства, доступа к суду и т.д. – (см., например, Постановления Европейского Суда от 19 марта 2009 г. по делу «Полонский против Российской Федерации» (*Polonskiy v. Russia*), п. 160 и последующие, жалоба № 30033/05; от 3 декабря 2009 г. по делу «Карт против Турции» (*Kart v. Turkey*) [БП], п. 71 и последующие, жалоба № 8917/05; см. также, в контексте гражданского судопроизводства, Постановление Европейского Суда от 7 июля 2005 г. по делу «Михайлович против Хорватии» (*Mihajlović v. Croatia*), п. 26 и последующие, жалоба № 21752/02). Может сложиться впечатление, что повторное рассмотрение дела «возвращает» заявителя в ситуацию, существовавшую до того, как он стал пострадавшим, и восстанавливает *status quo ante*⁸.

78. Однако, по мнению Европейского Суда, использование такого подхода в обстоятельствах данного дела нецелесообразно. Приобретение и утрата статуса потерпевшего не обязательно регулируется теми же правилами (см. выше п. 66). Очевидно, что в данном случае заявитель стал потерпевшим до того, как подал жалобу в Европейский Суд. Это задача государства – своевременно обеспечить надлежащую и достаточную сатисфакцию жалобы заявителя, другими словами – до того, как дело рассмотрел Европейский Суд (см., *mutatis mutandis*⁹, критерии, установленные в деле *Скордино*, процитированном выше в п. 69).

79. По мнению Европейского Суда, простого пересмотра дела не было достаточно для того, чтобы лишить заявителя его статуса потерпевшего. Эта точка зрения тесно связана с частностями российской системы пересмотра дел в порядке надзора, если рассматривать ее в том виде, в котором она существовала в соответствующее время (см. выше пп. 42-45). Прежде всего, отсутствовали ограничения, касающиеся количества повторов или обстоятельств, при которых дело могло быть возобновлено. Во-вторых, возобновление дела зависело от прокурора или судьи, который

⁸ ранее существовавшее положение (лат.)

⁹ с учетом необходимых изменений (лат.)

принимал решение о том, заслуживают ли рассмотрения по существу жалоба или заявление о пересмотре дела в порядке надзора. Был ли это прокурор, ходатайствующий о повторном открытии дела, или председатель суда, отменяющий решение судьи о принятии к рассмотрению жалобы о пересмотре дела в порядке надзора, такое решение должно было приниматься *proprio motu*¹⁰. Это дало бы государству-ответчику возможность избежать рассмотрения существа дела Европейским Судом посредством постоянного возобновления производства по делу.

80. Такая возможность была не только теоретической. В ряде российских случаев национальное уголовное судопроизводство возобновлялось сразу после передачи дела властям Российской Федерации, но много месяцев или даже лет спустя после закрытия первоначального дела – см., среди многих других источников, Постановления Европейского Суда от 16 ноября 2006 г. по делу «Зайцев против Российской Федерации» (*Zaytsev v. Russia*), пп. 9-11, жалоба № 22644/02; от 8 января 2009 г. по делу «Ларягин и Аристов против Российской Федерации» (*Laryagin and Aristov v. Russia*), жалобы №№ 38697/02 и 14711/03, пп. 18-19; от 23 апреля 2009 г. по делу «Сибгатуллин против Российской Федерации» (*Sibgatullin v. Russia*), п. 13, жалоба № 32165/02; Решения Европейского Суда от 6 мая 2003 г. по делу «Бакланов против Российской Федерации» (*Baklanov v. Russia*), жалоба № 68443/01; от 3 мая 2005 г. по делу «Микадзе против Российской Федерации» (*Mikadze v. Russia*), жалоба № 52697/99; от 3 мая 2005 г. по делу «Городничев против Российской Федерации» (*Gorodnichev v. Russia*), жалоба № 52058/99; от 6 октября 2005 г. по делу «Федоров против Российской Федерации» (*Fedorov v. Russia*), жалоба № 63997/00; вышеупомянутое Решение Европейского Суда по делу «Федосов против Российской Федерации»; а также Решение Европейского Суда от 1 октября 2009 г. по делу «Махкягин против Российской Федерации» (*Makhkyagin v. Russia*), жалоба № 39537/03. Подобные примеры можно найти в практике Европейского Суда и относительно пересмотра в порядке надзора решений и постановлений по гражданским делам (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Рябых против Российской Федерации» (*Ryabykh v. Russia*), жалоба № 52854/99, ЕСПЧ 2003-IX и последующие). Эти случаи иллюстрируют очевидную связь между передачей дела и его возобновлением.

81. Далее, в отдельных случаях связь между передачей дела и его повторным рассмотрением была даже более очевидной. Так, в деле «Нурмагомедов против России» (Решение Европейского Суда от 16 сентября 2004 г., жалоба № 30138/02) этого не случилось до сих

¹⁰ По собственной инициативе (лат.)

пор, пока Европейский Суд не вступил в процесс на том основании, что прокурор подал жалобу о пересмотре судебного решения в порядке надзора, тогда как ранее тот же прокурор отклонил жалобу заявителя о том, что в этом самом решении говорилось, что оно было «обоснованным и правомерным». В деле *Аджиговича* (процитированном выше, пп. 11 и 12) многочисленные жалобы заявителя о пересмотре дела в порядке надзора несколько раз отклонялись до момента передачи дела, тогда как те же самые жалобы были приняты к рассмотрению после того, как дело было передано властям государства-ответчика. Наконец, в данном случае самостоятельные попытки заявителя получить пересмотр судебного решения в порядке надзора были тщетными до тех пор, пока Генеральная прокуратура не была вынуждена вмешаться вслед за уведомлением о том, что заявитель обратился за компенсацией в Европейский Суд (см. выше пп. 24 и 25).

82. С учетом этого Европейский Суд пришел к следующему выводу. Судебные процессы по национальным делам часто пересматриваются по обращениям российских органов власти, когда последние узнают, что дело было передано на рассмотрение в Страсбург. Иногда это помогает заявителю, и в этом случае пересмотр дела имеет практическую ценность. Однако, учитывая легкость, с которой власти Российской Федерации прибегают к данному методу, тут также существует и риск злоупотреблений. Если бы Европейский Суд безоговорочно согласился с тем, что сам факт возобновления производства по делу влек бы за собой автоматическое лишение заявителя статуса потерпевшего, государство-ответчик могло бы препятствовать рассмотрению любого незаконченного судебного процесса, повторно прибегнув к судебному процессу по пересмотру дела в порядке надзора, а не исправляя допущенные нарушения посредством беспристрастного судебного разбирательства дела заявителя.

83. Европейский Суд полагает, что возобновление судебного процесса само по себе не может автоматически рассматриваться в качестве достаточной компенсации, способной лишить заявителя его статуса потерпевшего. Чтобы установить, сохранил ли заявитель статус потерпевшего, Европейский Суд рассмотрит данный судебный процесс в целом, в том числе и судебный процесс, последовавший за повторным открытием дела. Такой подход позволяет соблюсти баланс между принципом субсидиарности и эффективностью механизма Конвенции. С одной стороны, это позволяет государству вновь открывать и заново рассматривать уголовные дела для того, чтобы исправить допущенные нарушения ст. 6 Конвенции. С другой стороны, новый судебный процесс должен проводиться оперативно и в соответствии с гарантиями, прописанными в ст. 6 Конвенции. При

применении этого подхода пересмотр дела в порядке надзора больше не может использоваться как средство уклонения от рассмотрения дела Европейским Судом, и, таким образом, сохраняется эффективность права на подачу частного ходатайства.

84. Итак, Европейский Суд приходит к выводу о том, что сам факт возобновления судебного процесса посредством пересмотра дела в порядке надзора не обеспечил заявителю адекватной и удовлетворительной сатисфакции. Поэтому он все еще может считать себя пострадавшим в рамках ст. 34 Конвенции. По этой причине Европейский Суд отклоняет возражения властей Российской Федерации по данному разделу. Теперь Европейский Суд должен установить, были ли соблюдены требования беспристрастности в ходе слушаний, состоявшихся 29 ноября 2007 г.

2. Следовало ли передавать дело повторно властям Российской Федерации?

85. Довод властей Российской Федерации об утрате заявителем статуса потерпевшего также имел и процессуальный аспект. Они заявили, что Палате следовало передать им жалобы заявителя после того, как она получила информацию о повторном рассмотрении дела в кассации.

86. Европейский Суд отмечает, что заявитель жаловался на слушания, состоявшиеся 29 ноября 2007 г., в своих дополнительных ходатайствах, поданных в марте 2008 г. Те ходатайства были приобщены Председателем Первой секции к досье по делу с целью рассмотрения их Европейским Судом, а копия была направлена властям Российской Федерации. К властям Российской Федерации не обращались с прямой просьбой прокомментировать эти ходатайства; однако, ничего не препятствовало им сделать это. Власти Российской Федерации располагали достаточным количеством времени для того, чтобы представить свои дополнительные комментарии (более девяти месяцев), и если бы Европейский Суд получил их, он бы обязательно рассмотрел эти комментарии совместно с первым и вторым пакетом документов, в которых содержались умозаключения властей Российской Федерации и которые те подавали в июне и октябре 2007 г. соответственно.

87. Более того, Европейский Суд отметил, что информация, на которую ссылался заявитель в своих дополнительных ходатайствах, была хорошо известна властям Российской Федерации и они могли узнать об этом и из других источников. В любом случае, соглашаясь с просьбой властей о передаче дела на рассмотрение в Большую Палату, Европейский Суд предоставил властям Российской Федерации дополнительную возможность огласить свои взгляды по данному вопросу. В этой связи Большая Палата напоминает, что, даже после

того, как Палата приняла решение о признании жалобы приемлемой, она может, в тех случаях, где это уместно, рассматривать вопросы, относящиеся к приемлемости жалобы, например, в соответствии с п. 4 ст. 35 *in fine*¹¹ Конвенции, которая предоставляет Европейскому Суду право «отклонять любую жалобу, которую Европейский Суд сочтет неприемлемой ... на любой стадии процесса», и в тех случаях, где такие вопросы приобщались к существу дела или там, где они иным образом соотносились со стадией рассмотрения дела по существу (см. Постановление Европейского Суда по делу «*К. и Т. против Финляндии*» (*K. and T. v. Finland*) [БП], пп. 140-141, жалоба № 25702/94, ЕСПЧ 2001-VII, а также Постановление Европейского Суда по делу «*Перна против Италии*» (*Perna v. Italy*) [БП], пп. 23-24, жалоба № 48898/99, ЕСПЧ 2003-V). Принимая во внимание разбирательства в Страсбурге в целом, Европейский Суд не считает, что власти Российской Федерации находились в невыгодном по сравнению с заявителем положении. Наконец, Европейский Суд заинтересован в том, чтобы разбирательства не были чрезмерно затянутыми.

88. Европейский Суд приходит к выводу о том, что власти Российской Федерации были в состоянии огласить свою позицию по данному делу в целом. Таким образом, Европейский Суд может приступить к рассмотрению дела.

3. Отказался ли заявитель от своего права на юридическую помощь?

89. Власти Российской Федерации считали, что заявитель отказался от своего права по п. 3 (с) ст. 6 Конвенции. Они считали, что гражданку А. следовало считать представителем заявителя с момента ее назначения Верховным судом. Власти Российской Федерации заявили, что как представитель заявителя, гражданка А., должна была ходатайствовать о замене адвоката или личной встрече с заявителем, чего она не сделала. Они расценили это как косвенный отказ от права.

90. Европейский Суд напоминает, что ни дух, ни буква ст. 6 Конвенции не препятствуют лицу отказаться от своего права по собственной воле, явно или неявно, права на гарантии справедливого суда (см. Постановление Европейского Суда от 27 марта 2007 г. по делу «*Талат Тюнч против Турции*» (*Talat Tunç v. Turkey*), п. 59, жалоба № 32432/96). Однако такой отказ должен оформляться недвусмысленно и не должен идти вразрез с каким-либо важным общественным интересом (см. Постановление Европейского Суда по делу «*Сейдович против Италии*» (*Sejdovic v. Italy*) [БП], п. 86, жалоба № 56581/00, ЕСПЧ 2006-II).

¹¹ в конце (лат.)

91. Европейский Суд отмечает, что заявитель не является специалистом и не обладает юридической подготовкой (см., *mutatis mutandis*¹², Постановление Европейского Суда от 8 февраля 2000 г. по делу «*Кук против Австрии*» (*Cooke v. Austria*), п. 43, жалоба № 25878/94, с последующими ссылками на Постановление Европейского Суда от 21 сентября 1993 г. по делу «*Кремцов против Австрии*» (*Kremzow v. Austria*), Серия А № 268-В). Он не знал о назначении А. и в результате отказался от ее услуг по той простой причине, что воспринял ее участие в судебном процессе как чистую формальность. Он сообщил Верховному суду о занятой им позиции наилучшими доступными ему способами. От заявителя нельзя было требовать, чтобы он страдал от последствий бездействия гражданки А., когда одним из ключевых моментов его жалобы была именно ее инертность. Соответственно, бездействие А. нельзя рассматривать как отказ от права.

92. Власти Российской Федерации подчеркнули, что заявитель отказался воспользоваться услугами А., но не попросил ее назначить взамен какого-либо другого адвоката. Он также не просил о том, чтобы ему предоставили больше времени на встречу с адвокатом, назначенным судом, и не просил найти ему адвоката, выбранного им самим. Европейский Суд опять отмечает, что в таком контексте от заявителя не следовало ожидать каких-то процессуальных шагов, которые обычно требуют некоторых юридических знаний и навыков. Заявитель делал то, что делает обычный человек в подобной ситуации: он выражал несогласие с тем, как Верховный суд организовал для него юридическую помощь. В данных обстоятельствах неспособность заявителя сформулировать более конкретные жалобы также не может считаться отказом от права.

93. Европейский Суд, так же, как и Палата (см. п. 51 решения), приходит к выводу о том, что поведение заявителя, а также бездействие гражданки А. не избавили органы власти от их обязанности предпринимать дальнейшие шаги к тому, чтобы гарантировать эффективность его защиты.

4. Получил ли заявитель эффективную юридическую помощь в ходе слушаний, состоявшихся 29 ноября 2007 г.?

(а) Основные принципы

94. Требования п. 3 ст. 6 Конвенции следует рассматривать в качестве конкретных аспектов права на справедливый суд, гарантированный п. 1 ст. 6 Конвенции, и поэтому жалобы заявителя по пп. 1 и 3 ст. 6 следует рассматривать совместно (см. Постановление

¹² с соответствующими изменениями (лат.)

Европейского Суда от 17 декабря 1996 г. по делу «Ваше против Франции» (*Vacher v. France*), п. 22, *Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека 1996-VI*).

95. Европейский Суд напоминает, что в то время, как п. 3 (с) ст. 6 предоставляет каждому обвиненному в совершении уголовного преступления право «защищать себя самостоятельно лично или посредством защитника...», в нем не указывается способ исполнения этого права. Таким образом, выбор средств, направленных на то, чтобы убедиться, что это положение закреплено в их правовых системах, остается за Договаривающимися Сторонами, задача Европейского Суда в данном случае – установить, отвечает ли выбранный ими метод требованиям справедливого суда (см. Постановление Европейского Суда от 24 мая 1991 г. по делу «Кваранта против Швейцарии» (*Quaranta v. Switzerland*), п. 30, Серия А № 205). В этой связи следует принять во внимание, что цель Конвенции – «гарантировать не теоретические или иллюзорные, а практические и эффективные права» и что назначение адвоката не обеспечивает по умолчанию эффективности помощи, которую он или она могут обеспечить обвиняемому (см. Постановления Европейского Суда от 13 мая 1980 г. по делу «Артико против Италии» (*Artico v. Italy*), п. 33, Серия А № 37, а также от 24 ноября 1993 г. по делу «Имбриосиа против Швейцарии» (*Imbrioscia v. Switzerland*), п. 38, Серия А № 275).

96. Лицо, обвиненное в совершении уголовного преступления, должно (как основной принцип, основанный на понятии справедливого суда) иметь право на то, чтобы присутствовать на слушаниях в суде первой инстанции. Однако личное присутствие обвиняемого не обязательно имеет такой же важный характер, если речь идет о кассационном слушании. Действительно, даже в тех случаях, когда суд кассационной инстанции обладает полной юрисдикцией пересматривать дело по вопросам как факта, так и права, ст. 6 Конвенции не всегда влечет за собой право личного присутствия. Оценивая данный вопрос, следовало уделить внимание, *inter alia*¹³, особенностям казусного судопроизводства и методам, с помощью которых в суде кассационной инстанции представлялись и защищались интересы заявителя, в частности, в свете вопросов, которые суд должен был решить, и важностью, которые они представляли для апелланта (см. Постановления Европейского Суда от 29 октября 1991 г. по делу «Хелмерс против Швеции» (*Helmers v. Sweden*), пп. 31-32, Серия А № 212-А; от 25 марта 1998 г. по делу «Бельзюк против Польши» (*Belziuk v. Poland*), п. 37, *Сборник постановлений и решений 1998-II*; от 3 октября 2000 г. по делу

¹³ Помимо прочего (лат.)

«Поборникофф против Австрии» (*Pobornikoff v. Austria*), п. 24, жалоба № 28501/95; а также от 3 октября 2002 г. по делу «Кучера против Австрии» (*Kucera v. Austria*), п. 25, жалоба № 40072/98).

97. Право обвиняемого на общение со своим адвокатом без риска быть услышанными третьей стороной является одним из основных требований справедливого суда в демократическом обществе и следует из п. 3 (с) ст. 6 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда от 13 марта 2007 г. по делу «Кастравец против Молдавии» (*Castravet v. Moldova*), п. 49, жалоба № 23393/05). Если бы адвокат был не в состоянии советоваться со своим клиентом и получать от него конфиденциальные инструкции без такого внешнего наблюдения, его помощь утрачивала бы большую часть своей полезности, поскольку целью Конвенции является предоставление гарантии прав, которые практичны и эффективны (см. *inter alia*¹⁴ решение по делу *Артико*, процитированное выше, п. 33).

98. Что касается использования видеосвязи, то Европейский Суд напоминает, что такая форма участия в судебном процессе не противоречит принципам справедливости и публичности слушаний, но необходимо сделать так, чтобы заявитель мог следовать ходу судебного процесса и его можно было слышать без технических помех, и чтобы было обеспечено эффективное и конфиденциальное общение с юристом (см. вышеупомянутое Постановление Европейского Суда по делу «Марчелло Виола против Италии»).

(b) Заявитель настоящей жалобы

99. Власти Российской Федерации не оспаривали тот факт, что во время первых слушаний перед апелляционным судом (в 2002 г.) не вполне соблюдались требования п. 3 (с) ст. 6 Конвенции. Однако они заявили, что органы власти сделали все, что было в их силах, для того чтобы во время повторных слушаний дела в 2007 г. заявитель получил юридическую помощь. Поэтому Европейский Суд сосредоточит внимание на втором раунде суд кассационной инстанции судопроизводства.

100. Европейский Суд отмечает, что первоначальный приговор был отменен Президиумом Верховного суда в 2007 г. именно из-за нарушения прав заявителя на юридическую помощь. Таким образом, очевидно, что для органов власти это дело было достаточно сложным и поэтому потребовалась помощь профессионального юриста. С учетом этого, а также собственной оценки Европейским Судом сложности вопросов, стоящих перед апелляционным судом, Европейский Суд приходит к выводу о том, что в ходе второго раунда апелляционного судопроизводства заявителю была необходима

¹⁴ Помимо прочего (лат.)

помощь юриста.

101. Европейский Суд рассмотрел доводы властей Российской Федерации в поддержку их точки зрения и согласен с тем, что А. была квалифицированным юристом и между ней и заявителем не было ярко выраженных разногласий относительно содержания или стратегии его защиты. В то время, как установлено, что А. читала досье по делу, остается неясным, сколько времени она на это потратила, а власти Российской Федерации не предоставили никакой конкретной информации или доказательств или сведений, касающихся этого вопроса. Она была *a priori*¹⁵ готова помогать заявителю, и это, без сомнения, важное соображение. Однако эти доводы не имеют решающего значения; Европейский Суд должен рассмотреть, учитывалось ли при подготовке к проведению судебного процесса и, в частности, к организации общения между А. и заявителем, соблюдение прав защиты.

102. Европейский Суд подчеркивает, что отношения между адвокатом и его клиентом должны основываться на взаимном доверии и взаимопонимании. Разумеется, государство не всегда может способствовать установлению такого рода отношений: существуют установленные ограничения, касающиеся времени и места встреч лица, находящегося в заключении, и его адвоката. Кроме того, в исключительных обстоятельствах государство может ограничить контакты с адвокатом лица, находящегося в заключении (см. Решение Европейского Суда от 27 февраля 1997 г. по делу «*Кемперс против Австрии*» (*Kempers v. Austria*), п. 52, жалоба № 21842/03, или Постановление Европейского Суда от 31 января 2002 г. по делу «*Ланц против Австрии*» (*Lanz v. Austria*), п. 52, жалоба № 24430/94). Тем не менее, любое ограничение взаимоотношений между клиентами и адвокатами, будь оно допустимое или явное, не должно создавать помех для оказания юридической помощи, на которую имеет право обвиняемый. Независимо от возможных трудностей или ограничений, правам обвиняемого придается такая важность, что право на эффективную юридическую помощь должно соблюдаться при любых обстоятельствах.

103. В данном случае заявитель мог пообщаться со своим только что назначенным адвокатом в течение пятнадцати минут, непосредственно перед началом слушаний. Европейский Суд полагает, что, учитывая сложность и серьезность дела, отведенного времени определенно было недостаточно для того, чтобы заявитель обсудил дело с адвокатом и убедился, что А. в надлежащей степени владела информацией по его делу, а юридическая позиция была оптимальной.

104. Кроме того, довольно сомнительно, что общение посредством

¹⁵ С самого начала (лат.)

видеосвязи обеспечивало достаточную конфиденциальность. Европейский Суд отмечает, что в деле *Марчелло Виолы* (протитированном выше, пп. 41 и 75) заявитель мог поговорить со своим адвокатом, воспользовавшись телефонной линией, защищенной от прослушивания. В рассматриваемом деле заявитель был вынужден воспользоваться системой видеоконференции, оборудованной и управляемой государством. Европейский Суд полагает, что заявитель определенно мог испытывать дискомфорт, обсуждая свое дело с г-кой А.

105. Кроме того, в деле *Марчелло Виолы* (протитированном выше), защитник обвиняемого также мог направить вместо себя другого адвоката в помещение для проведения видеоконференций или, напротив, лично присутствовать рядом с заявителем и доверить адвокату, заменяющему его, защиту своего клиента в суде. Аналогичный вывод был сделан и по делу Голубева, протитированного выше, где Европейский Суд не обнаружил нарушения ст. 6 Конвенции в части слушаний посредством видеосвязи, потому что, *inter alia*¹⁶, «два адвоката заявителя присутствовали на слушании апелляции [в зале, где проходили слушания] и могли привести или подробно изложить доводы защиты. ... Перед слушаниями заявитель имел возможность проконсультироваться со своим юристом в конфиденциальной обстановке. Кроме того, поскольку у заявителя было два адвоката, он мог выбрать одного из них для того, чтобы тот помогал ему, находясь в следственном изоляторе рядом с заявителем, во время слушаний и мог проконсультироваться с ним один на один». В рассматриваемом деле заявитель не располагал ни одной из приведенных выше возможностей. Вместо этого от него ожидали решения – воспользуется ли он услугами адвоката, с которым только что познакомился, или продолжит обходиться без помощи юриста.

106. Европейский Суд отмечает, что власти Российской Федерации не объяснили, почему невозможно было принять различные меры с целью юридической защиты заявителя. Европейский Суд согласен с тем, что перевозка заявителя из Новосибирска в Москву для встречи с адвокатом представляла бы собой операцию длительную и дорогостоящую (см. выше п. 26). Подчеркивая первоочередную важность эффективной правовой помощи, Европейский Суд также должен рассмотреть вопрос о том, предприняло ли (принимая во внимание эти конкретные географические обстоятельства) государство-ответчик меры, которые в достаточной мере компенсировали ограничения прав заявителя. В этом отношении Европейский Суд отмечает, что ничего не мешало органам власти

¹⁶ помимо прочего (лат .)

организовать по меньшей мере телефонный разговор между заявителем и А. несколько раньше, чем перед самыми слушаниями. Ничего не мешало им назначить адвоката из Новосибирска, который мог бы посещать заявителя в изоляторе временного содержания и находиться рядом с ним во время слушаний. Кроме того, неясно, почему Верховный суд Российской Федерации не возложил обязанность представлять заявителя на того адвоката, который уже защищал его в суде первой инстанции и готовил первоначальную кассационную жалобу. Наконец, Верховный суд мог бы назначить слушания по собственной инициативе так, чтобы предоставить заявителю достаточно времени, чтобы обсудить дело с А.

107. Европейский Суд приходит к выводу о том, что усилия, предпринятые Верховным судом Российской Федерации, были недостаточны и не обеспечили эффективной юридической поддержки заявителю во время второго раунда апелляционного судопроизводства.

5. Не противоречило ли участие заявителя в деле посредством видеосвязи условиям п. 1 ст. 6 Конвенции?

108. Заявитель жаловался на то, что у него не было возможности надлежащим образом изложить свои доводы по делу, поскольку он участвовал в слушаниях в апелляционном суде посредством видеосвязи, а не лично. Европейский Суд полагает, что, ввиду вышеупомянутых умозаключений по п. 3 (с) ст. 6 Конвенции в совокупности с п. 1 ст. 6 Конвенции, нет необходимости рассматривать отдельно вопрос о том, соответствовало ли ст. 6 Конвенции участие заявителя в слушаниях апелляции посредством видеосвязи в обстоятельствах данного дела (см., *mutatis mutandis*¹⁷, дело «Озкан Чолак против Турции», № 30235/03, пп. 51-53, 6 октября 2009г.).

6. Вывод

109. Европейский Суд приходит к выводу о том, что во время рассмотрения дела в суде 29 ноября 2007 г. требованиям п. 3 (с) ст. 6 Конвенции во взаимосвязи с п. 1 ст. 6 Конвенции было уделено недостаточно внимания. Соответственно, в ходе второго раунда апелляционного судопроизводства не были исправлены недостатки первого раунда: ни в 2002 г., ни в 2007 г. у заявителя не было возможности воспользоваться эффективной юридической поддержкой. Европейский Суд приходит к выводу, что в данном судебном процессе, который закончился вынесением судебного решения от 29 ноября 2007 г., если рассматривать его в целом, были нарушены п. 1

¹⁷ С учетом необходимых изменений (лат.)

ст. 6 Конвенции во взаимосвязи с п. 3 (с) ст. 6 Конвенции.

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

110. Ст. 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

111. Заявитель потребовал выплаты 5 000 евро по пункту о моральном вреде. Заявитель также потребовал выплаты 300 евро в качестве возмещения судебных расходов и издержек, понесенных им при рассмотрении дела Большой Палаты. Власти Российской Федерации заявили, что данное требование о компенсации морального вреда чрезмерно и необоснованно. Что касается судебных расходов и издержек, власти Российской Федерации оспорили требование о возмещении таковых, указывая на то, что заявитель предоставил только чеки, имеющие отношение к сумме в 4 189 руб.

112. Во-первых, Европейский Суд отмечает, что при рассмотрении данного дела было обнаружено нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции в сочетании с п. 3 (с) ст. 6 Конвенции. Поскольку жалоба заявителя относится к обнаружению данного нарушения, Европейский Суд напоминает, что, когда заявителя признали виновным, невзирая на потенциальное нарушение его прав, гарантированных ст. 6 Конвенции, ему следовало, по мере возможности, обеспечить такие условия, которые позволили бы не оставлять без внимания требования, содержащиеся в данной статье, и что наиболее приемлемой формой исправления ситуации было бы, в принципе, повторное рассмотрение дела или, при необходимости, возобновление производства по делу. (см. Постановление Европейского Суда по делу «*Оджалан против Турции*» (*Öcalan v. Turkey*) [БП], п. 210 *in fine*¹⁸, жалоба № 46221/99, ЕСПЧ 2005-IV, а также Постановление Европейского Суда от 13 июля 2006 г. по делу «*Попов против Российской Федерации*» (*Popov v. Russia*), п. 264, жалоба № 26853/04). В этой связи Европейский Суд отмечает, что ст. 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации предусматривает пересмотр уголовного дела, если Европейский Суд установит факт нарушения Конвенции (см. выше п. 35).

113. Что касается требований заявителя о компенсации морального вреда, то Большая Палата полностью одобряет вывод Палаты по ст. 41 Конвенции: поэтому члены Палаты принимают решение о том, что

¹⁸ в конце (лат.)

заявитель понес моральный вред, который не мог быть компенсирован в достаточной степени только признанием факта нарушения. Исходя из расчетов на справедливой основе, под данному пункту Палата присуждает заявителю 2000 евро, а также 120 евро в счет расходов и издержек, плюс налоги, которые могут взиматься с данных сумм.

114. Кроме того, заявитель выдвинул требование оплатить ему неоплаченные расходы и издержки, понесенные в связи с судебным процессом в Большой Палате, в сумме 1400 руб. (почтовые расходы) и 750 руб. (расходы на перевод документов). Он предоставил документы, подтверждающие эти требования. Власти Российской Федерации согласились с требованиями. Поэтому, приняв во внимание все материалы, находящиеся в его распоряжении, Европейский Суд присуждает заявителю выплату в сумме размером 54 евро в счет дополнительных расходов и издержек, понесенных в связи с разбирательством дела Большой Палатой, плюс выплату любых налогов, которые могут взиматься с этой суммы.

115. Европейский Суд счел, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере предельной кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

НА ОСНОВАНИИ ИЗЛОЖЕННОГО ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. *Отклонил* возражение властей Российской Федерации в отношении неисчерпания средств правовой защиты;
2. *Решил отнести к существу* жалобы предварительное возражение властей Российской Федерации в отношении статуса потерпевшего заявителя;
3. *Постановил*, что заявитель имеет статус потерпевшего в целях ст. 34 Конвенции по своей первой жалобе на несправедливость кассационного судопроизводства в 2002 г. и *отклонил* предварительное возражение властей Российской Федерации в этой связи;
4. *Постановил*, что имело место нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции при ее совместном прочтении с п. 3 (с) ст. 6 Конвенции в отношении всего периода судопроизводства, завершившегося 29 ноября 2007 г. вынесением постановления;
5. *Постановил*,

(а) что государство-ответчик должно выплатить заявителю в течение трех месяцев с даты, когда постановление станет окончательным в соответствии с п. 2 ст. 44 Конвенции, сумму в размере 2 000 (две тысячи) евро в качестве компенсации морального вреда, конвертированную в российские рубли по курсу, действующему на дату оплаты, плюс любые налоги, которые могут быть начислены на эту сумму;

(b) что государство-ответчик должно выплатить заявителю в течение трех месяцев с даты, когда постановление станет окончательным, сумму в размере 174 (сто семьдесят четыре) евро в качестве возмещения судебных расходов и издержек, конвертированную в российские рубли по курсу, действующему на дату оплаты, плюс любые налоги, которые могут быть начислены на эту сумму; а также

(с) что с даты истечения указанного трехмесячного срока и до момента выплаты на эту сумму должны начисляться простые проценты, размер которых определяется предельной кредитной ставкой Европейского центрального банка, действующей в период неуплаты, плюс три процента;

6. *Отклонил* остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском и французском языках, уведомление о Постановлении направлено в письменной форме 2 ноября 2010 г. в соответствии с пп. 2 и 3 правила 77 Регламента Европейского Суда.

Майкл О'Бойл
Заместитель Секретаря Секции Суда

Жан-Поль Коста
Председатель Палаты